

Восканян Саркис Суренович

доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры государственного управления
и политологии
Волгоградского института управления – филиала
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО СССР В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация:

В статье рассматриваются основные этапы экономического развития СССР. Автор считает, что страна на протяжении истории четырежды сталкивалась с модернизационными вызовами со стороны экономически сильных государств. Советские правители по-разному реагировали на них: были как успехи, так и провалы. С первыми тремя вызовами страна в целом справилась, превратившись в мощную державу. Четвертый вызов оказался непреодолимым, что, возможно, стало причиной распада СССР.

Ключевые слова:

«догнать и перегнать», индустриализация, модернизация, модернизационный вызов, политическая элита СССР, политическое руководство, социально-экономическое развитие, экономическая политика СССР.

Voskanyan Sarkis Surenovich

D.Phil. in Political Science, Professor,
State Administration
and Political Science Department,
Volgograd Institute of Management,
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration

POLITICAL LEADERSHIP OF THE USSR UNDER MODERNIZATION CHALLENGES

Summary:

The article deals with the key stages of economic development of the USSR. The author believes that throughout its history the country faced four modernization challenges from economically stronger states. The Soviet leaders reacted to them in different ways that led both to successful results and to failures. The country generally managed to handle the first three challenges which turned it into a powerful state. The fourth challenge proved insuperable that might have caused the collapse of the USSR.

Keywords:

“catch up and overtake”, industrialization, modernization, modernization challenge, USSR political elite, political leadership, social and economic development, economic policy of the USSR.

В первые полтора десятилетия XX в. в России наблюдался социально-экономический рост. Власть прилагала усилия для прогрессивного развития страны. Его осязаемые индикаторы вынудили в январе 1914 г. французского ученого Э. Тэри заявить, что при определенных условиях «к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» [1]. Несмотря на радужные цифры и перспективы, нельзя было не заметить ряд тревожных сигналов.

К Первой мировой войне Российская империя с показателем 5,3 % в мировой промышленности занимала пятое место, в то же время страна не находилась в числе лидеров по размеру ВВП на душу населения. Согласно некоторым современным данным, этот показатель был в 1,7 раза ниже, чем в Италии, в 3,3 – чем в Англии, в 3,5 – чем в США. Неравномерными были и темпы развития отраслей национальной экономики. Например, с 1894 по 1914 г. добыча нефти увеличилась на 65,0 %, производство чугуна – на 50,0, железа и стали – на 24,0 % [2, с. 38]. Аналогичные диспропорции наблюдались также в сельском хозяйстве и сфере услуг. В 1912 г. национальный доход на душу населения составлял 110 р. золотом, в то время как в Германии – 300, Англии – 500, США – 720 [3, с. 68].

Относительными были успехи и в социальной сфере. Так, по структуре занятости/расселения страна продолжала оставаться крестьянской: в 1913 г. городское население достигло 16,0 %, при этом в Англии – 51,5, Германии – 43,7. В результате общий разрыв между Россией и некоторыми другими ведущими государствами (Англией, Германией, Францией, США) в социально-экономической сфере сокращался не так быстро. Все чаще на повестку дня выходили темы национального, религиозного, конфессионального характера. Власть по разным причинам не спешила их решать или делала это недостаточно оперативно. Восприятие проблем, степень их значимости, средства и методы решения вызвали дискуссии и споры, в том числе в высших кругах. Большинство данных вопросов перешло в наследство к большевикам после их прихода к власти.

Первый модернизационный вызов, с которым столкнулось новое правительство, произошёл в первой половине 1920-х гг. Ещё в Октябре 1917 г. начался перевод экономики на «социалистические рельсы». Национализация, экспроприация, военный коммунизм – эти и некоторые другие мероприятия стали частью проводимой политики. Однако не только экономические,

но и негативные социальные последствия вынудили большевиков на рубеже 1920–1921 гг. пересмотреть курс. В декабре 1920 г. был принят план ГОЭЛРО, в марте 1921 г. – НЭП. Партийно-государственный аппарат столкнулся с симбиозом трех трудновыполнимых задач. Во-первых, восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства. Во-вторых, сокращение отставания от промышленно развитых держав. В-третьих, создание более эффективной и справедливой общественной системы, не имевшей аналогов в истории. Все это усугублялось двумя факторами: 1) внутрипартийными дискуссиями, стимулирующими появление разных фракций; 2) враждебным международным окружением, часть которого не спешила устанавливать дипотношения с Советской Россией (например, Бельгия, Болгария, Венгрия, Испания, Нидерланды, Португалия, США и др.). В 1923–1924 гг. достижение этих целей осложнилось еще двумя обстоятельствами: 1) бурным экономическим развитием буржуазных государств; 2) смертью Ленина, спровоцировавшей усиление внутриэлитных распрей.

Пока шла Гражданская война, правительство было сосредоточено на проблемах удержания власти и советизации территории России в границах 1914 г., но по ее окончании названные задачи актуализировались. Несмотря на положительную динамику соответствующих показателей после начала НЭПа, более зримые успехи Запада и Японии вынуждали большевиков искать новые средства и методы для достижения еще более высоких результатов в народном хозяйстве. Реакцию коммунистов на ситуацию за рубежом можно понять, если учесть следующее.

В 1922–1923 гг. завершился послевоенный мировой социально-экономический кризис. Начался период экономического подъема, продлившийся до 1929 г. Благодаря модернизации основных фондов особенно активизировались новые отрасли: автомобилестроение, химическая промышленность, электротехника и др. Энергично внедрялись научные методы производства. Все чаще на смену ручному труду на предприятиях, в сельском хозяйстве и даже быту приходил механизированный. Машины, грузовики, комбайны, тракторы, пылесосы, стиральные машины, холодильники становились повседневностью.

Экономический рост затронул все ведущие державы, хотя его темпы различались. Так, в 1929 г. промышленное производство в Германии составило 117 % от уровня 1913 г., Италии – 185, США – 172, Франции – 143 при среднемировом – 147, в то время как в СССР – 115 % (т. е. разрыв увеличивался). Исчезла вероятность, а с ней и страх революций. Постепенно стабилизировались политическая и социальная подсистемы обществ. Не реагировать на все это СССР не мог хотя бы потому, что от степени развитости народного хозяйства и в первую очередь промышленности зависели техническая оснащенность армии, а следовательно, безопасность страны и сохранение большевиками власти. Правящая элита оказалась перед модернизационным вызовом. Поиск ответа на него инспирировал появление в высших кругах двух основных группировок – сторонников эволюционного (Н. Бухарин, В. Базаров, Н. Кондратьев) и ускоренного (Л. Троцкий, Г. Кржижановский, В. Куйбышев) путей развития страны. После долгих и бурных дискуссий победа осталась за вторыми – был взят курс на интенсификацию экономических процессов.

В декабре 1925 г. была одобрена индустриализация (реальное воплощение началось в 1927 г.). В 1928–1929 гг. принят первый пятилетний план. Однако этого радикалам показалось недостаточно. После исключения Л. Троцкого из партии от «эволюционистов» к «ускоренникам» перешел И. Сталин [4], и власти начали настойчиво навязывать народу идею перевыполнения пятилетки (что стало традицией), т. е. еще более форсированных темпов. Причем призыв нашел отклик в низах. Так, в 1931 г. работники промышленности приняли обязательство выполнить пятилетку за 4 года, а по отдельным базовым отраслям – за 3 [5, т. 13, с. 29]. В рамках программы ускоренных общественных преобразований были инициированы коллективизация и культурная революция.

В результате первые две задачи из указанных были в целом успешно выполнены. К рубежу 1930–1940 гг. СССР существенно уменьшил социально-экономическое и культурное отставание. В период с 1928 по 1937 г. разные отрасли промышленности увеличили показатели в 2,5–3,5 раза, т. е. их ежегодный рост составлял 10,5–16,0 % [6, р. 264]. Сопутствующим фактором, положительно повлиявшим на данный процесс, был кризис 1929–1933 гг., сокративший уровень ВВП ряда крупных государств. Поэтому если с конца 1920-х гг. отечественные социально-экономические параметры по-прежнему шли вверх с еще большей интенсивностью, то в некоторых буржуазных странах они начали снижаться, тем самым способствуя их выравниванию с советскими. Так, промышленное производство во время кризиса сократилось в Великобритании на 24 %, Германии – 41, США – 46, Франции – 32 % [7, т. 29, с. 624]. По ряду индикаторов Советский Союз вышел на лидирующие позиции в мире (например, по производству промышленной продукции уступал только США).

За кратчайший период СССР достиг того, к чему другие страны шли десятилетиями, возможно – столетиями (в частности, резко увеличился уровень грамотности населения). Несмотря на репрессии профессиональных кадров, был приобретен опыт (организационный, технологический, управленческий и др.) создания новых производств в ускоренном режиме в разных регионах

страны с дифференцированными особенностями (природно-климатическими, инфраструктурными и т. д.). Это, безусловно, сыграло позитивную роль во время Великой Отечественной войны.

Оставляя в стороне такие дискуссионные вопросы, как морально-этический аспект использованных средств и методов, альтернативные варианты достижения тех же целей, и некоторые другие, остановимся на проблеме прецедентов в отечественной истории. Был ли И. Сталин с командой первым, прибегшим к радикальным мерам в развитии страны? Нет. Наиболее яркий пример – Петр I: цель – модернизация страны, методы – мобилизация и принуждение, сроки – примерно четверть века, результат – создание империи. Разве это не напоминает действия большевиков с единственным существенным отличием – новая империя была советской, а не царской? Даже время понадобилось почти то же, поскольку попытка форсированного обновления государства фактически началась с Октября 1917 г. Почему был выбран именно данный путь? Потому что представители новой власти были радикалами в отличие от участников некоторых других политических партий и даже части своих однопартийцев – меньшевиков. Если субъект (индивид, группа, организация) радикален до прихода к власти и сам приход осуществляет радикальным способом (захватом), то логично, что и после он по-прежнему будет приверженцем аналогичных идей и действий, что демонстрировали Ленин и его окружение.

Еще в сентябре 1917 г. Ленин утверждал, что в результате революции «Россия по своему политическому строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры» [8, т. 34, с. 198]. В период Гражданской войны «догнать» не удалось. Новую попытку предприняли в 1920–1921 гг. посредством ГОЭЛРО и НЭПа. Однако темпы роста устроили не всех в советском руководстве, и уже в середине 1920-х гг. возродилась полемика относительно выбора модели развития. Причем начал/продолжил ее Ленин еще в ноябре 1922 г., когда на пленуме Московского совета утверждал, что НЭП – это необходимый поворот назад: «Мы сейчас отстаем, ... чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед». На этот раз в отличие от сентября 1917 г. готового плана действий не было: «Где и как мы должны теперь перестроиться, приспособиться, переорганизоваться, чтобы после отступления начать упорнейшее наступление вперед, мы еще не знаем» [9, т. 45, с. 302].

В связи с этим напрашиваются два вывода. Первый – сторонники ускоренного сценария модернизации оказались ленинцами более, чем их оппоненты; хотя правильнее данный путь назвать петровским или петровско-ленинским. Они продолжили воплощать радикальные идеи своего умершего вождя. Поэтому ставшая знаменитой фраза: «*Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут*», сказанная Сталиным 4 февраля 1931 г. на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности [10, т. 13, с. 39], не только полностью отражала ленинскую мысль, но и была произнесена им сразу после напоминания о приведенных словах предыдущего лидера в сентябре 1917 г. Таким образом автор подчеркивал прямую логическую связь своего призыва с ленинским и его преемственность. Второй – смерть Ленина, возможно, уберегла государство и население от еще больших катаклизмов, страданий и трагедий. Если вождь большевиков не особо церемонился с народом в 1917–1922 гг. (мобилизация, экспроприация, репрессии, милитаризация труда, подавление выступлений рабочих и крестьян и т. д.) ради достижения поставленных целей, кто знает, как бы он действовал на месте Сталина, чтобы «догнать и перегнать передовые страны». Не предстал бы он большим радикалом, чем Сталин?

Второй модернизационный вызов был брошен СССР в ходе Великой Отечественной войны одним из передовых государств мира – Германией. Он включал в себя такие компоненты, как уровень развития экономики (в первую очередь ВПК), организацию, управление, логистику (в том числе военную), дисциплину. Советский Союз оказался в более сложной ситуации, чем в 1920–1930 гг.: ограниченными были многие ресурсы – человеческие, финансовые, временные и др. Однако и на этот раз страна выстояла, хотя, как и в первый раз, не без помощи Запада. Еще одно важное отличие от предыдущего вызова состояло практически в отсутствии какой-либо альтернативной точки зрения и дискуссий в обществе и правящей элите по вопросам средств, методов и сроков преодоления угрозы. Это стало следствием трех факторов: во-первых, прошедшие репрессии, с одной стороны, значительно сократили противников действующего главы государства, с другой – посеяли страх среди населения в плане возможной критики верхов (особенно публичной); во-вторых, наличие общего для всего народа врага содействовало единению с властью; в-третьих, установившийся тоталитарный режим также повысил консолидацию граждан вокруг лидера – Сталина.

СССР вышел из Второй мировой войны одной из двух сверхдержав мира. Победа способствовала резкому усилению авторитета и притягательности советской общественной системы и

ее пути развития. В результате ряд государств, в том числе вновь образованных, начали копировать данную модель, включая ее экономическую составляющую. Однако уже в 1950-е гг. в передовых капстранах началась научно-техническая революция. Инновационные идеи и технологии привели к появлению качественно новых товаров и услуг – это был новый вызов.

Третий модернизационный вызов, первые признаки которого появились после окончания Второй мировой войны, не мог быть не замечен отечественными правителями. Всемирная помощь (особенно политическая и финансовая), оказанная США европейским (в основном западным) странам и Японии, модернизация производств на базе последних научно-технических достижений вкупе с положительными элементами капиталистической системы (свободой предпринимательства, конкуренцией, творчеством и др.) в 1946–1948 гг. заложили основы глубоких преобразований, произошедших в период «славного тридцатилетия» (1946–1975 гг.), названного так с легкой руки французского ученого Ж. Фурастье. С 1950-х гг. наблюдалась положительно стабильная среднегодовая динамика развития национальных экономик: от 3 % (Великобритания, США) до 10 % (Япония).

Советские власти стремились не отстать, ведь стратегическую задачу в отношениях с капстранами – «догнать и перегнать» – никто не снимал с повестки дня. Однако эта цель и инструменты ее достижения все больше воспринимались с точки зрения количественных характеристик, а не качественных. Еще 9 февраля 1946 г. на предвыборной встрече с избирателями Сталинского избирательного округа Москвы глава государства заявлял, что «партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. <...> На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше». Суть этого «уровня» Сталин под бурные аплодисменты присутствующих видел в необходимости ежегодно производить «до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти» (т. е. только количественные показатели) [11, т. 3, с. 272]. Со смертью вождя акцент на количестве в ущерб качеству усилился.

Несмотря на высокие экономические индексы по сравнению с общемировыми и наблюдавшимися в капиталистических государствах, некоторые представители постсталинского правления осознавали недостатки советской экономики. В 1957 г. Н. Хрущев предложил ее реформировать, в том числе через ряд спорных идей, что сразу же вызвало неоднозначную реакцию среди соратников. Нашлись не только ее сторонники (Н. Кальченко, И. Капитонов, Ф. Козлов), но и противники (Н. Байбаков, К. Ворошилов, В. Молотов, М. Первухин, П. Шелест). Однако, согласно сложившейся традиции, в конечном счете большинство политической элиты поддержало мнение первого лица.

Среди позитивных преобразований можно выделить децентрализацию управления на всех уровнях, повышение роли коллектива в производственных процессах, усиление материальных и моральных стимулов и др. В то же время резкий переход от устоявшейся системы к чуть ли не прямо противоположной существенно снизил вероятность успеха начинаний. Кроме того, были допущены серьезные ошибки субъективного характера, например предполагалось в кратчайшие сроки достичь целей, невыполнимых с точки зрения выделенного времени. Уже с начала 1960-х гг. некоторые нововведения постепенно стали отменять.

Экономическое положение, в котором СССР оказался в 1950–1960 гг., было неоднозначным: с одной стороны, отмечались высокие среднегодовые индикаторы развития, с другой – их динамика в целом демонстрировала тенденцию снижения (в 1950-х гг. – 6,6 %, в 1960-х – 5,3 %), с третьей – система по-прежнему обладала мобилизационным характером с административно-командным руководством. В то же время ситуация менялась, все большие объемы «чугуна и стали» мало сказывались на конкурентоспособности производимых товаров и услуг не только на мировом рынке, но и внутри государства, уступая зарубежным аналогам. Единственными отраслями, где СССР (вместе с США) прочно занимал первое место, были ВПК и аэрокосмическая промышленность. Помимо этого, качество жизни рядового гражданина хотя и улучшалось, но далеко не с той же скоростью, что в ведущих капстранах.

В 1965 г., с приходом Л. Брежнева, была предпринята очередная попытка трансформировать экономическую систему (косыгинские реформы). Однако и она уже в начале 1970-х гг. была свернута. Партийное руководство взяло курс на консервативное развитие.

Четвертый модернизационный вызов охватил 1970–1980-е гг., став следствием двух основных причин: 1) нового этапа НТР, начавшегося еще в 1950-х гг.; 2) мирового экономического кризиса 1974–1975 гг. Успешные структурные реформы позволили западным государствами к середине 1980-х гг. перейти к производству товаров, в том числе технологич, более высокого качества, включая энергоэкономичные (результат «нефтяного шока» 1973 г.). На мировом рынке появились новые серьезные игроки – «четыре азиатских тигра» (Гонконг, Сингапур, Тайвань, Южная Корея). Конкуренция ужесточилась, и СССР в ней все больше отставал и проигрывал. Доля ВВП страны в мировой экономике заметно уменьшалась: 1970 г. – 12,8, 1975 – 10,3, 1980 – 7,7 %;

снижение, хотя не такое сильное, наблюдалось даже с государствами Восточной Европы – 85,8; 84,8; 84,1 % соответственно [12].

Несмотря на неплохие среднегодовые показатели экономического развития (4,7 %) в 1970-х гг., Советский Союз фактически перешел с интенсивного пути к экстенсивному. Открытые в 1960-х гг. крупные месторождения нефти и газа в Сибири позволяли правящей элите с оптимизмом смотреть в будущее в решении актуальных проблем, особенно в социальной сфере. К концу 1970-х гг. укоренились не только наличие некачественных товаров, но и нехватка целой производственной линейки: от продуктов питания (в ряде регионов появились продовольственные карточки) до промышленного оборудования. Государственные верхи, объективно воспринимая реальность, уже не ставили цель «догнать и перегнать», тем самым признавая, что как минимум по производительности труда и качеству продукции и услуг страна отстала навсегда (исключением по-прежнему оставались ВПК и аэрокосмическая отрасль). Планы стали скромнее, но при этом упор сместился в сторону количественных индикаторов (хотя в многочисленных лозунгах и программах качеству уделялось большое внимание). Погоня за ними привела к процветанию такого явления, как приписки. Помимо этого, усиливались бюрократизм, протекционизм, коррупция, хищения в экономике, снижался уровень дисциплины.

К 1980-м гг. не только экономическая часть общественной системы, но и все другие нуждались в переменах. В 1985 г. М. Горбачев после избрания генеральным секретарем ЦК КПСС предложил «курс ускорения социально-экономического развития» СССР (намеченный еще Ю. Андроповым). Дополненный другими аспектами, он фактически представлял собой новую большевистскую версию старого лозунга «догнать и перегнать». Не все члены советского руководства поддержали преобразования. Тогда в течение 3 лет противников (В. Гришина, П. Демичева, В. Долгих, Г. Романова, М. Соломенцева, Н. Тихонова и др.) заменили на сторонников (Б. Ельцина, Е. Лигачева, А. Лукьянова, В. Медведева, Н. Рыжкова, А. Яковлева и др.). Однако гиперперсонифицированный характер государственного устройства вкупе с неудачно выбранной личностью главного управленца в конечном счете привел к тому, что попытка правящей элиты осуществить реформы во второй половине 1980-х гг. завершилась всеобщим кризисом и развалом страны.

В заключение можно сказать следующее: возможно, СССР распался потому, что не смог справиться с четвертым модернизационным вызовом. Будь экономическая система более эффективной, она не только «потянула» бы за собой остальные три подсистемы общества, но и предоставила бы властям необходимые финансовые ресурсы для успешного решения многих проблем, тем самым всемерно усилив и укрепив государство (своего рода китайский путь).

Ссылки:

1. Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/470892> (дата обращения: 21.04.2017).
2. Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 1997.
3. Солоневич И.А. Народная монархия. М., 1991.
4. Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 172–176.
5. Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сочинения. В 13 т. Т. 13. М., 1951.
6. Wheatcroft S.G., Davies R.W., Cooper J.M. Soviet industrialization reconsidered: some preliminary conclusions about economic development between 1926 and 1941 // *Economic History Review*. 1986. Vol. 39, no. 2. P. 264–294.
7. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1978. Т. 29.
8. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967–1981. Т. 34.
9. Ленин В.И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. // Там же. Т. 45. С. 302.
10. Сталин И.В. О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. С. 39.
11. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 г. // Сталин И.В. Избранные сочинения. В 3 т. М., 2001. Т. 3.
12. Кушнир И. Валовый внутренний продукт (ВВП) СССР 1970–1990 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_ussr.html (дата обращения: 20.04.2017).

References:

- Ivanov, VF 1997, *The Russian intellectuals and Freemasonry. From Peter the Great to our days*, Moscow, (in Russian).
- Kushnir, I 2017, *Gross domestic product (GDP) of the USSR in 1970-1990*, viewed 20 April 2017, <http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_ussr.html>, (in Russian).
- Lenin, VI 1967-1981a, *The impending catastrophe and how to combat it*, full composition of writings, 5th ed., Moscow, vol. 34, (in Russian).
- Lenin, VI 1967-1981b, *Speech at a plenary session of the Moscow Soviet on November 20, 1922*, full composition of writings, 5th ed., Moscow, vol. 45, p. 302, (in Russian).
- Nove, A 1989, 'On the fate of NEP', *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 172-176, (in Russian).
- Solonevich, IA 1991, *The People's Monarchy*, Moscow, (in Russian).

Stalin, JV 1951, *The tasks of business executives. Speech delivered at the First All-Union Conference of Leading Personnel of Socialist Industry on February 4, 1931*, compositions, in 13 vols., vol. 13, Moscow, (in Russian).

Stalin, JV 2001, *Speech delivered at a meeting of voters of the Stalin Electoral District, Moscow on February 9, 1946*, selected works, in 3 vols., Moscow, vol. 3, (in Russian).

Teri, E 2017, *Russia in 1914. The economic review*, viewed 21 April 2017, <<https://aftershock.news/?q=node/470892>>, (in Russian).

The Great Soviet Encyclopedia 1978, 3rd ed., vol. 29, (in Russian).

Wheatcroft, SG, Davies, RW & Cooper, JM 1986, 'Soviet industrialization reconsidered: some preliminary conclusions about economic development between 1926 and 1941', *Economic History Review*, vol. 39, no. 2, pp. 264–294, <https://doi.org/10.2307/2596153>.